

Покинув Зал Почёта Воинов, они вышли на переплетение троп, расходящихся во все стороны. Секта Юйхуа была основана ещё в древние времена и некогда славилась величием, о чём свидетельствовали многочисленные дворы, павильоны и изящные галереи, утопающие в зелени.

Цзян Синчжи внимательно запоминал расположение зданий по пути и небрежно завёл разговор с Защитником Цянем:

— Защитник Дарэнь.

Чжун Мин, шедший впереди, слегка повернул голову:

— В чём дело?

Прежде чем Цзян Синчжи успел произнести хоть слово, рука на его предплечье вдруг сжалась сильнее, и в сознании прозвучал слегка раздражённый голос:

— Кого ты называешь «Защитником»?

Тон был на удивление кислый. Погружённый в роль «Даосского Спутника», Цзян Синчжи инстинктивно поспешил успокоить:

— Просто обманываю его.

Чжун Мин издал неопределённое «мм», и давление его пальцев чуть ослабло.

Успокоив одного, Цзян Синчжи вернулся к другому:

— Благодарю вашу секту за гостеприимство в эти дни. Иногда мне хотелось бы прогуляться. Не подскажете, какие участки секты открыты для гостей, а какие — запретны?

Защитник Цянь небрежно махнул рукой:

— Можете свободно передвигаться по передней горе, кроме Башни Фэнхэ и Павильона Библиотеки. Задняя гора - запретная зона нашей секты. Тот, кто туда ступит, обречён на неминуемую гибель.

Цзян Синчжи кивнул:

— Благодарю, понял.

«Башня Фэнхэ, Павильон Библиотеки... и, конечно, запретная зона на задней горе — всё это стоит посетить.»

Чжун Мин, казалось, едва заметно изогнул губы.

Вскоре они достигли Павильона Тумана на западе. Место было уединённым, окружённым густыми деревьями; изящный двухэтажный павильон, наполовину скрытый листвой, и вправду напоминал убежище для выздоравливающего.

Цзян Синчжи сложил ладони в благодарственном жесте:

— Главный Старейшина проявил истинную заботу.

Защитник Цянь кивнул, развернулся и ушёл докладывать, оставив у входа нескольких стражников.

Когда все ушли, Цзян Синчжи шагнул внутрь.

Дверь закрылась за ним, отсекая любопытные взоры снаружи. С притворством было временно покончено.

«Постой... из-за чего Бай Му ревновал?» — Вдруг осознав, замер он — «И почему я почувствовал необходимость его успокаивать?»

Он слишком глубоко вошёл в роль... настолько, что сам начал путать игру с реальностью!?

Заметив, что тот всё ещё держит его, он напомнил:

— Пора прекратить притворство.

Чжун Мин несколько мгновений смотрел на него сверху вниз, затем отпустил руку, и между ними вновь легло привычное расстояние. Цзян Синчжи подошёл к круглому деревянному столу в комнате, сел и поднял ладонь, воздвигая вокруг них барьер от подслушивания.

— У меня возникло не слишком приятное подозрение. — Перешел он к сути.

— Какое?

— Главный Старейшина только что явно выдумал отговорку, что он ищет лекарство для Главы Секты. Но помнишь, Пин Лань упоминал, что Глава Секты в затворничестве?

Чжун Мин сел рядом:

— Значит, ты подозреваешь...

— Ранее я думал, что действия Главного Старейшины слишком дерзки, — продолжил Цзян Синчжи, откидываясь на спинку стула, взгляд его упал на резной узор оконной решётки. — Если он тайно устраняет учеников Главы Секты во время его затворничества... как он объяснится, когда тот выйдет?

Чжун Мин закончил за него, голос его оставался ровным, но в словах звучала ледяная ясность:

— Проблема исчезнет, если объясняться будет не перед кем.

Хотя сказано было тихо, в павильоне вдруг похолодало — будто тени прошлого ворвались внутрь, неся за собой запах крови и предательства.

Глубокий смысл этих слов заставил Цзяна Синчжи на миг замереть.

— Поскольку цель его действий — не дать людям вернуться, то, вероятно, интерес Главного Старейшины не в цветке на дне озера. — Пришел он к выводу — Но это значит, что у него есть записи озера Юйпо.

Чжун Мин спросил:

— У тебя наконец созрел план?

Цзян Синчжи на миг опешил. Он вспомнил, как несколько дней назад сказал, что «ещё не решил, как действовать».

— У тебя отличная память! — С изумлением воскликнул он.

Чжун Мин пристально посмотрел на него.

— Я помню всё, что ты говоришь. — Спокойно, без тени улыбки, ответил он.

В маленьком павильоне воцарилась плотная, как туман тишина.

После долгого, почти неприличного обмена взглядами Цзян Синчжи потрясенно моргнул:

— Ты что, заразился от Чжу Сюй?

— .....

Этот бесплодный разговор поддерживал в сердце Чжун Мина то необъяснимое пламя, что не гасло даже к ночи.

Второй этаж павильона был отведён под спальню. На письменном столе горела свеча, её мягкий свет разливался по комнате, отбрасывая тени на стены, будто призраки прошлого шептались в углах.

Цзян Синчжи сидел на постели, листая сборник старинных повестей, и в пятый раз за вечер бросил взгляд на Чжун Мина, сидевшего у стола. Тот сидел, скрестив руки, с лёгкой холодной усмешкой в уголках губ, а в тёмных глазах плясали отблески ледяного огня. В этом уединённом павильоне он выглядел точь-в-точь как главный шпион секты Юйхуа — безмолвный, пронизательный и опасный.

Цзян Синчжи мягко нарушил тишину:

— Даже Главный Старейшина, пожалуй, вынужден был бы признать своё поражение.

Холодный взгляд скользнул в его сторону.

Он тут же свернул тему, отложил книгу и выглянул в окно. За стеклом царила ночь — уже прошёл час Хай (с девяти до одиннадцати вечера), и высокие деревья за павильоном отбрасывали неясные тени сквозь бумажные окна, будто пальцы невидимых стражей.

Снаружи у входа стояли пятеро-шестеро стражников на поздней стадии Укрепления Основы. Формально — «на побегушках», на деле - для наблюдения.

— Позже оставлю здесь след божественного сознания, — тихо сказал Цзян Синчжи, — а мы сходим взглянуть на те два запретных места на передней горе.

Чжун Мин, молчавший полдня, наконец отреагировал. Он приподнял веки и взглянул на восток, за пределы павильона:

— Сейчас выходить нельзя.

— Почему..... — Цзян Синчжи осёкся: его божественное сознание уловило стремительно приближающуюся фигуру. — Это Главный Старейшина.

Видимо, тот всё ещё сомневался в их личностях и решил лично убедиться.

Цзян Синчжи поднял руку:

— Поставить барьер?

— Это будет похоже на попытку скрыть вину. Только усилит подозрения.

Пока он говорил, Чжун Мин встал из-за стола и направился к постели. Его высокая фигура чётко очертилась в свете свечи — прямая спина, широкие плечи, движения без единого лишнего жеста. Он подошёл, наклонился и оперся ладонью на постель рядом с Цзян Синчжи.

— Сначала обманем его.

Расстояние между ними резко сократилось. В мерцающем свете занавесей их поза стала двусмысленной, почти интимной. В глазах Чжун Мина по-прежнему мерцали холодные звёзды, но под этим льдом, казалось, тлел жар.

Горло Цзяна Синчжи непроизвольно дрогнуло. Он инстинктивно отклонился назад:

— Что ты собираешься делать?

Чжун Мин, казалось, тихо рассмеялся:

— Всё, что захочу.

— Не совсем. Может, я не захочу сотрудничать.

— Не волнуйся, — Чжун Мин наклонился ближе, — я не трону тебя по-настоящему.

Цзян Синчжи позволил ему приблизиться:

— Мм.

Высокая фигура нависла над ним, плечи — прямые, как клинок, отражали свет свечи. Чжун Мин протянул руку и опустил занавески. Тонкая ткань упала, наполовину скрыв их силуэты от внешнего мира.

Его сильные руки упёрлись по обе стороны от Цзян Синчжи, тепло его тела приблизилось, и воздух внутри занавесей вдруг стал горячим.

Они смотрели друг на друга вплотную, их дыхания смешались.

Снаружи фигура Главного Старейшины приближалась к самому дворику — через мгновение он будет у двери.

Стрела уже лежала на тетиве; медлить было нельзя.

Внутри занавесей Цзян Синчжи смотрел на человека перед собой. Тот обладал завораживающей красотой, а в глазах его, как у клинка под инеем, скрывалась острая, сдержанная сила. На миг мысль его унеслась в прошлое: «Неужели все мечники такие? У Сюй Цзяня тоже есть эта черта...»

Едва он подумал об этом, как Чжун Мин вдруг поднял глаза и посмотрел прямо на него.

Холод и отстранённость в его чертах растаяли. Взгляд наполнился глубокой, почти болезненной эмоцией, подобно раскалённой лаве, что наконец прорвалась сквозь кору. Он хотел, чтобы Цзян Синчжи увидел это — увидел ЕГО, а не роль, не маску, не проекцию чужого образа.

Цзян Синчжи замер. В такой близости лицо перед ним на миг наложилось на образ из памяти. Он не знал, чей это был лик: того, кого искал, или того, кто всё это время был рядом.

Тихий голос позвал его по имени:

— Синчжи.

Всего одно короткое слово, но в нем звучала такая тяжесть чувств, будто... будто он и вправду любил его.

Сердце Цзяна Синчжи вдруг подпрыгнуло. Он резко вскочил с постели.

Бам!

<http://bllate.org/book/15487/1373268>